

Ю.В. Парамыгина

Подходы современных российских элитологов к изучению советской номенклатуры

Ключевые слова: власть, государство, теория политических элит, российская элитология, правящий класс, советская номенклатура, политическая элита, аналитический подход, нормативный подход, политический институт, институциональный подход, структурно-функциональный подход, субъектно-деятельностный подход, социальные процессы, политический класс, политический актор, социопсихологические характеристики элиты.

Key words: power, state, theory of political elite, Russian science about elite, ruling class, Soviet nomenclature, political elite, analytical approach, standard approach, political institute, institutional approach, structurally functional approach, subject-activity approach, social processes, political class, political actor, socio-psychological characteristics of elite.

Теория политических элит имеет длительную историю и продолжает развиваться. Основы ее концепции были заложены в конце XIX – начале XX столетия в трудах итальянских социологов Вильфредо Парето и Гаэтано Моска, которые рассматривали элитарность общества как необходимость и норматив [1, с. 25–26]. Затем концепция получала свое дальнейшее развитие в Западной Европе.

В советское время элитологические исследования были запрещены, по идеологическим соображениям. Являясь атрибутом антагонистического общества, элита не могла существовать в обществе социалистическом. В советской социологии существовало направление «критической элитологии», а элитистские концепции считались предшественниками расистских, фашистских идеологий [2, с. 45; 3, с. 159].

Формирование российской элитологии приходится на постсоветский период, т.е. на последние 15–20 лет. Современные исследователи, анализируя развитие российского элитобразующего процесса, выделяют три основные фазы развития элиты: имперский, советский и современный. Нередко при рассмотрении современной элиты они возвращаются в период советской истории правящего класса, обращая основное внимание на номенклатурное происхождение представителей современной политической элиты.

Объектом статьи является советская номенклатура, а предметом – подходы к ее изучению, используемые российскими исследователями.

Г.К. Ашин, являясь одним из первых в стране исследователей элит, обозначил два различных подхода к политической элите: аналитический и нормативный. Первый не имеет ценностной окраски, здесь элита рассматривается как часть общества, занимающая ключевые позиции в структурах власти.

Нормативный подход исходит из ценностно и идеологически ориентированной констатации вечности существования элит как сообществ, обладающих превосходством над другими людьми [3, с. 160].

Российские исследователи находятся по большей части в русле аналитического и функционального подходов. В данном ключе современные политологические исследования довольно операциональны. Для них свойственна трактовка элиты как категории лиц, обладающих властью, вне зависимости от того, какие факторы обусловили их властное положение: происхождение, финансовое

состояние или личные заслуги [4, с. 96]. Современный исследователь политических элит социолог О.В. Крыштановская выделяет слои политического класса с точки зрения обладания ресурсами власти, высшим из которых и является элита.

В рамках институционального подхода элита представляет собой относительно замкнутую группу и рассматривается в виде корпоративной организации как политическая структура с определенными правилами функционирования. Если исходить из данного подхода, то геометрия советской политической элиты была подобна пирамиде. Здесь единая иерархия пронизывала государственную корпорацию сверху донизу, в которой политический класс был институционализирован в форме номенклатуры [5, с. 8].

Советская номенклатурная элита имела четкие формы, обусловленные ее институциональным характером. Списки ключевых должностей составлялись в ЦК КПСС. Назначение на эти должности было невозможно без согласования с руководящими партийными органами [6, с. 51–52].

Весь социум управлялся из единого центра – Политбюро ЦК КПСС. В условиях политической системы мобилизационного типа элита представляла собой иерархичную организацию с жестко вертикальным подчинением верховной власти, строгой централизацией, формирование которой происходило по принципу «привилегии за службу», способом ротации которой являлась чистка [4, с. 261]. Политический класс представлял собой монолитное образование, расчлененное на четыре основные группы. Структура данного института была такова: собственно Политбюро ЦК КПСС; номенклатура политбюро ЦК КПСС, т.е. перечень должностей, назначение на которые происходило на заседаниях политбюро. В эту номенклатурную группу входили первые и иногда

вторые секретари республиканских ЦК компартий, первые секретари обкомов и горкомов крупнейших городов, союзные министры, высшие военные чины, послы всех социалистических стран и стран «большой семерки». Следующая ступень – номенклатура Секретариата ЦК КПСС, в которую входили вторые секретари обкомов и т.п. Четвертая ступень – учетно-контрольная номенклатура [6, с. 52].

Иерархический принцип номенклатуры заключался в том, что человек должен был последовательно подниматься со ступеньки на ступеньку. Иерархия не имела исключений, охватывала все сферы, все отрасли и территории страны. Особую роль имели качества управленческой элиты и способности высшего эшелона управления создать эффективно работающий слой региональных и отраслевых руководителей и оптимально разместить их на стратегически важных постах [4, с. 267–268].

Политолог Л. Шевцова называет эту структуру «пирамидальным конституционным каркасом» [7, с. 321]. В зависимости от степени концентрации власти, обособленности и закрытости верхний угол пирамиды правящего класса будет более или менее острым [5, с. 25]. Здесь политическая элита выступает верхушкой правящего класса, владеющего политическим капиталом и находящимся внутри государственной корпорации [5, с. 20]. Элита является верхней стратой политического класса, стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня.

Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в то же время является источником ее пополнения. Элита распоряжается государственной машиной, и в этом смысле является собственником государства.

Элита – полноценная социальная группа, которая имеет сложную внутреннюю структуру. Находясь на вершине пирамиды, она ограничивает связи с внешним миром, чтобы оградить себя от лавинообразных информационных потоков [5, с. 30].

Джеймс Мэйзел в своей книге «Миф правящего класса» пишет, что принадлежность к элите больше похожа на членство в эксклюзивном клубе (цит. по: [8, с. 30]). О самоизоляции советской номенклатуры писал М. Восленский: «Начиная с определенного уровня номенклатурные чины живут как бы вовсе не в СССР, а в некой спецстране. Рядовые советские граждане отгорожены от этой спецстраны так же тщательно, как и от любой другой заграницы. Номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь – от родильного дома до могилы: работать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится

номенклатура» [9, с. 317–318]. Элита объединена сговором и тайной круговой порукой. Элита – самосохраняющийся, замкнутый сегмент общества. Хотя, несмотря на очевидно закрытый характер номенклатуры, процесс ее рекрутирования в 1930-е гг. носил открытый характер в связи с интенсивной ротацией состава элиты за счет внеэлитных слоев [4, с. 11].

О.В. Крыштановская в качестве основных характеристик элиты выделяет сплоченность как ключевую характеристику. О.В. Гаман-Голутвина в данном случае указывает на то, что уровень внутренней сплоченности элиты зависит от степени ее социальной и национальной однородности. Второй характеристикой элиты является групповое самосознание, которое возникает как результат консолидации на основе защиты своего привилегированного положения. В данном случае понятие «номенклатура» было ключевым для идентификации членов политического класса в СССР и означало наличие некой ментальной, а не только институциональной общности. Третьей характеристикой политической элиты являются множественные неформальные связи, личные отношения между членами группы, где каждый знает каждого [5, с. 35–37].

Основной функцией элиты как института является предотвращение дезинтеграции общества вследствие неконтролируемых действий социальных групп. Исследования А. Дуки показали, что институциональный фактор связан с возникновением возможностей для появления и закрепления новых институтов. Элита полагает пределы компетенции других институтов, т.е. является институционализирующим фактором. Структурный аспект институционализации властных групп определяет возможности элиты обеспечить себе легитимизацию, социальную поддержку [10, с. 66; 11, с. 182]. В соответствии с этим подходом советская номенклатура как институт представляла собой внутренне однородную группу людей с общим сознанием, согласованностью в действиях для сохранения своего привилегированного положения, определенным распределением ролей.

Несмотря на то, что институциональный подход дает возможность констатировать, что эффективность политической системы общества определяется не только развитостью политической структуры, но и правилами, по которым эти структуры осуществляют свою деятельность, он явно недостаточен. Его следует дополнить субъектным подходом, предполагающим рассмотрение статуса субъекта в политической системе общества наряду с политическими институтами, но не просто субъекта, а субъекта действующего [3, с. 165].

Субъектно-деятельностный подход как особая методология анализа общественных процессов получил свое развитие прежде всего в философских и психологических работах.

На необходимость сочетания институционального и субъектного подходов при анализе политических

структур общества указал В. Ядов. В работе «А все же умом Россию понять» он охарактеризовал изменения в теоретических подходах российской социологии: «К настоящему времени в общесоциальных теориях системно-структурные и структурно-функциональные образы начинают уступать социально-культурным и деятельностно-субъектным представлениям о динамике социальных изменений» [12, с. 11]. Отмечается, что невозможно представить себе функционирование политических структур общества без субъектов. «Индивиды наполняют собой, своей энергией, волей, интересами, мотивами, установками политические организации и институты. В конечном счете, развитие общества, история в целом, есть итог и процесс деятельности конкретных людей», – отмечают политические психологи А. Деркач, Е. Шестопал, К. Абульханова-Славская [13, с. 47].

Психолог А.В. Брушлинский писал о том, что человек как субъект рассматривается как винтик государственно-производственной машины, элементом производительных сил в идеологии и практике тоталитаризма и до сих пор – во многих теориях. Их позитивное преодоление – одна из актуальных задач науки [14, с. 65].

Последовательным сторонником субъектного подхода при анализе политических процессов является также историк В. Тишков, разработавший методологию историко-ситуативного анализа, в основе которой – признание необходимости выделять индивидуальных акторов и их стратегии как важную составляющую историко-политического анализа, в соответствии с которым необходимо при рассмотрении ряда современных событий обращать внимание на стратегии людей, на процесс принятия решений на политической арене, на выбор проектных сценариев [3, с. 167].

Советская идеология и философия накладывала табу на понятие «субъект» даже там, где речь шла о деятельности. Познание, деятельность и психика рассматривались как самостоятельные абстракции, «бесчеловечные сущности». Сегодня концепция понятия «субъект» активно разрабатывается.

В продолжении развития субъектного подхода появляется ресурсно-стратегический подход, где субъектом, актором является тот, который обладает ресурсами социального действия, ставит цели и владеет стратегиями их достижения. В России данный подход развивается в работах В. Гельмана и его коллег, работающих в парадигме анализа политических режимов в отдельных российских регионах и использующих понятие «актор» для анализа политических процессов. Подход, который разделяет данный исследователь, является разновидностью ресурсно-стратегического с выделением особого значения фактора влияния, поэтому может быть обозначен как влиятельный. В его рамках В. Гельман строит типологию акторов с

учетом количества и степени влияния, которым они располагают.

Если рассматривать акторов с точки зрения степени влияния, то можно выделить доминирующего актора (ему соответствует моноцентрический режим) и отсутствие доминирующего актора, которому соответствует полицентричный режим. В рамках первой модели можно рассматривать советское государство. Здесь фактором, наложившим драматический отпечаток на ход реализации мобилизационной модели развития, стали особенности личности Сталина. Будь у руля государства личность иного склада, возможно, политический процесс был бы менее экстремистским. Очевидно, что реализация концепции форсированной модернизации требовала соответствующей системы власти и рекрутирования элиты, способной реализовать этот курс [3, с. 172; 4, с. 266–267].

В рамках данного подхода В. Мохов, основатель пермского центра элитологических исследований, на основе статистического анализа социальных характеристик, биографий и карьерных стратегий председателей горрайисполкомов и партийных руководителей местных партийных комитетов (около полутора тысяч личных дел номенклатурных работников) предпринял попытку выявления основных социопсихологических характеристик номенклатурных работников.

В аналогичном направлении были предприняты усилия Д. Сельцера, который собрал значительный объем эмпирического материала относительно развития региональной номенклатуры в советский период.

Данный подход противоположен объективистскому, с точки зрения которого общество понимается как социальная макроструктура, существующая объективно и независимо от индивидов, как результат предшествующей деятельности людей, отделенный по времени от них самих. Очевидно, что в рамках только одной парадигмы невозможно полно объяснить социальные процессы, поэтому объективистский и субъективистский подходы рассматриваются в качестве взаимодополняющих [15, с. 31–32].

Таким образом, советская политическая элита исследуется в рамках структурно-функционального и институционального подходов, где номенклатура есть монолитное сообщество лиц, имеющих определенную иерархию и принимающих в соответствии с ней стратегически важные решения для всего общества.

Современные исследователи настаивают на необходимости введения в анализ политической элиты субъектно-деятельностного подхода. Институциональный подход при этом не отрицается, а лишь расширяется за счет включения субъекта с его стратегиями, целями, ресурсами. В данном случае субъектный подход выявляет психологическое обоснование стратегий поведения элиты и отдельных ее представителей, а как следствие этого – принятие решений государственной важности.

Библиографический список

1. Ашин, К.Г. Основы политической элитологии / К.Г. Ашин. – М., 1999.
2. Ашин, Г. К истории российской элитологии / Г. Ашин // Власть. – 2003. – №2.
3. Чирикова, А. О теориях элит / А. Чирикова // Общество и экономика. – 2008. – №3–4.
4. Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России / О.В. Гаман-Голутвина. – М., 1998.
5. Крыштановская, О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика / О.В. Крыштановская // Мир России. – 2004. – №4.
6. Крыштановская, О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О.В. Крыштановская // Общественные науки и современность. – 1995. – №1.
7. Шевцова, Л. Россия: логика политических перемен // Россия политическая. – М., 1998.
8. Крыштановская, О.В. Общество с безграничной ответственностью. Российская элита: от советской номенклатуры до Путина / О.В. Крыштановская // Новая газета. – 2005. – №5.
9. Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М.С. Восленский. – М., 1991.
10. Дука, А. Перспективы социологического анализа властных элит / А. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – №1.
11. Гаман-Голутвина, О. Российские элиты как предмет научного анализа / О. Гаман-Голутвина // Общество и экономика. – 2008. – №3–4.
12. Ядов, В. Социологическое исследование, методология, программа, методы / В. Ядов. – Самара, 1995.
13. Политическая психология. – Екатеринбург, 2001.
14. Брушлинский, А. Субъект: мышление, учение, воображение / А. Брушлинский. – М., 1996.
15. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск, 2001.